КУБЕГУЛЯ.

РАЗСКАЗЪ ИЗЪ АБХАЗСКИХЪ НРАВОВЪ,

В. И. САВИНОВА.

Посвящается Е. П. Павлу Михайловичу Новосильскому.

—

I.

Богата и роскошна природа Абхазіи въ своихъ картинныхъ видахъ, въ ея то голыхъ, обрывистыхъ холмахъ, то въ мрачныхъ скалахъ, поросшихъ самшитомъ и сосною. Не оторвешься жаднымъ взглядомъ отъ ея великановъ-лѣсовъ, отъ ея темныхъ и полныхъ ужаса ущелій! Кому судьба и обстоятельства, такъ какъ мнѣ, дали возможность приглядѣться къ этой природѣ, не для всѣхъ доступной, тотъ долженъ сотню разъ обмирать отъ наслажденія. Видѣлъ я горы Абхазіи и ея роскошныя долины; не разъ томился зноемъ подъ ея небомъ, не разъ подъ вой шакала, самъ, какъ звѣрь, прятался въ лѣсныхъ трущобахъ и, дрожа отъ холода ночи, все-таки не могъ оторваться отъ картинъ пустыни, облитыхъ блѣднымъ свѣтомъ луны, при которой по кремню

Digitized by Google

скалъ, какъ змѣи, ползутъ и серебрятся едва замѣтныя тропинки, выбѣгающія на отвѣсный утесъ, или прячущіяся за камень. А кругомъ молчаніе ужасающее; кругомъ сонъ исполиновъ: боишься шелохнуть одеждой, боишься вздохнуть свободно, какъ-будто бы ждешь, что отъ твоего движенія проснется вся эта величественная тишина. Хороши горы и долины Кавказа, очень хороши, когда надъ ними сіяетъ день, когда надъ ними плыветъ луна въ прохладную ночь; но ничто не заключало въ себѣ столько поэзіи, какъ долины Дзыбни, тамъ, гдѣ Бзыбь, дойдя до аула, отъ котораго получила свое названіе, круто, подъ прямымъ угломъ, поворачиваетъ и съ ужасающею быстротою бѣжитъ на западъ. На прибрежныхъ скалахъ, какъ орлиныя гнѣзда, раскинулись бѣдныя сакли горцевъ; у подошвы горъ, нетронутыхъ рукою цивилизаціи, смѣло, въ прихотливыхъ кудряхъ вьется и ползетъ виноградникъ; мелкій яворъ опушилъ подножіе этихъ горъ, и между нимъ всталъ густой самшитъ. По обширному ковру полевыхъ цвѣтовъ весело бѣгутъ ручьи; за тремя серебристыми полосами ихъ встала роща, изумительно странная по своему виду. Въ первое мгновеніе, когда только вырисуется она на горизонтѣ, усталый путникъ пораженъ ея видомъ: въ этой дикой пустынѣ, въ едва проходимыхъ скалахъ и трущобахъ, онъ видитъ городъ съ его восточною обстановкою, съ его куполами мечетей, съ его кипарисами, минаретами и плоскими кровлями домовъ—до того обманчивъ рисунокъ этой рощи! Но и несовсѣмъ разочарованъ въ своихъ надеждахъ бѣдный странникъ, когда достигнетъ этого fata morgana абхазской пустыни... Густая зелень въ знойный полдень даетъ ему прохладную тѣнь, свѣжая вода тутъ же, дикіе плоды къ его услугамъ.

Былъ полдень. Іюнское солнце жгло невыносимо; казалось, отъ его лучей густой смрадный паръ гарн цѣлыми клубами вился надъ тропинками и надъ рѣкою, когда, измученный усталостью и голодомъ, я, во время моего бѣгства изъ плѣна, завидѣлъ берега Бзыби. Никакой звукъ не нарушалъ тягостнаго молчанія раскаленной солнцемъ пустыни. Въ другой странѣ страдалецъ, избѣгающій встрѣчи съ своими преслѣдователями, или врагами, только въ минуту общаго усыпленія, пользуясь темнотою ночи, находитъ возможность безопасно и безъ страха сдѣлать нѣсколько шаговъ впередъ; въ горахъ обратно: вечеръ и ночь часъ дѣятельности, день же—время общаго бездѣйствія; и можно смѣло быть увѣреннымъ, что никакой голодный абрекъ не оставитъ своей норы для того, чтобъ встрѣтить добычу въ полдневный жаръ. Въ рубищѣ, вооруженный винтовкою, съ запасомъ двухъ, микроскопической мѣры, патроновъ, которые мнѣ удалось стянть у моего сторожа Юсе-

Digitized by Google

фи, въ ауле «Дозари»*, и проходилъ дзыбскою пустынею, жаждя встрѣчи съ фазаномъ или горною козою... Тотъ и другой не ушли бы теперь съ моего прицѣла... Но прошелъ часъ, наконецъ и другой, ожиданія мои не сбывались... Я спустился по крутому берегу къ Дзыби и, утоливъ жажду, готовъ былъ, въ изнеможеніи, упасть при первомъ шагѣ на поляну, какъ видъ цвѣтущаго города, опушеннаго стройнымъ рядомъ тополей, поразилъ меня своимъ появленіемъ. До него я не могъ считать болѣе двухъ верстъ по прямой дорогѣ. Силы мои возросли въ одно мгновеніе. «Городъ! въ горахъ? думалъ я... Ужь вѣрно не Ахмедъ-Аминъ выстроилъ его!» Отъ этой мысли, я перешелъ къ другой, которою старался разрѣшить невольно заданный себѣ вопросъ: «Гдѣ я и куда пришелъ?» Я зналъ, что въ горахъ, по разсказамъ бывалыхъ, и сколько самому случалось встрѣчать среди трущобъ Абхазіи, нерѣдко попадаются развалины большихъ селеній—но развалины! Теперь же передо мною открывался видъ города, повидимому оживленнаго... Вотъ кажется, передъ нимъ бродитъ стадо барановъ; надъ нимъ вьются стаи птицъ. Я удвоилъ шаги. Чѣмъ ближе подвигался я къ моему обѣтованному оазису, тѣмъ болѣе росло мое недоумѣніе... Невысокая, зигзагомъ раскинутая городская стѣна какъ-будто бы превращалась въ зелень орѣшника; за нею, передовые минареты и домы мало-по-малу теряли свою сѣроватую ровность стѣнъ, дѣлая, съ каждымъ моимъ шагомъ впередъ, шероховатѣе; наконецъ я разглядѣлъ ясно купы яблонь, явора, самшита и чинары, такъ оригинально и прихотливо подстриженныя, выровненныя и разбросанныя природой. Чтобы достичь этого фантастическаго города, который обѣщалъ мнѣ вкусный обѣдъ послѣ двухдневнаго поста, я долженъ былъ перебраться за ручей довольно быстрый и глубокій. Не рискуя броситься вплавь, потому-что силы мои были истощены дальнимъ переходомъ, голодомъ и зноемъ, я набрелъ на днище давно брошенной арбы, сложилъ на него мои лохмотья, винтовку и пару патроновъ, тщательно завязанныхъ въ лоскутъ, который замѣнялъ мнѣ сорочку, и пустился въ походъ. У берега теченіе было не очень быстро, что дало мнѣ возможность сообразить, какъ далеко снесетъ меня, и какъ я долженъ буду дѣйствовать. Переправа кончилась, можно сказать, благополучно, если не считать встрѣчи рогатаго корня ивы, около котораго минутъ пять меня повертѣло порядочно. Въ этой дрянной встрѣчѣ не столько боялся я запутаться въ рогахъ ивы, сколько долженъ былъ истощать всю свою силу, смѣлость и сноровку, чтобъ не перевернулся

* Достовѣрные разсказы объ Абхазіи (Записки офицера, бывшаго въ плѣну у горцевъ) «Пантеонъ» 1850 г. № 2. и «Современникъ»— «Три мѣсяца въ плѣну у горцевъ 1848 г. № 8. Смѣсь». В. С.

Digitized by Google

мой плотъ, на которомъ находились мои рыцарскіе доспѣхи. Однако теченіе вынесло меня къ берегу... Блаженная минута моего кейфа была близка; но прежде слѣдовало изготовить винтовку и осмотрѣться, на случай какой-нибудь непріятельской встрѣчи... За рѣдкою грядою тополей открывался небольшой аулъ, раскинутый по предгорью; сакли были затворены и ни одной бороды, ни одного башлыка не мелькало на ихъ порогахъ. Во всякомъ случаѣ, осторожный, какъ лисица, я, можно сказать, нырнулъ въ густой орѣшникъ и, добравшись до яблони, принялся опустошать ее. Въ эту минуту мнѣ послышалось какъ-будто бы въ оврагѣ, шаговъ за десять отъ меня, раздался шорохъ. При этомъ недоѣденный плодъ едва не всталъ у меня въ горлѣ; я бросилъ на землю десятокъ яблоковъ и приложился изъ винтовки, прямо по направленію къ закраинѣ оврага; въ ту же минуту, при лучахъ солнца, пробивавшагося сквозь тополь, сверкнулъ стволъ турецкаго ружья и его дуло какъ тутъ сыскало мое переносье... Я быстро прилегъ въ можжевельникъ; незнакомецъ повторилъ тотъ же маневръ. Въ немъ, въ этомъ встрѣчномъ, я легко могъ разглядѣть громаднаго, тощаго великана, котораго природа наградила невесьма привлекательною наружностью... Огромные черные глаза, ввалившись въ желтыя орбиты, по сторонамъ носа, передъ которымъ даже и носъ почтеннаго Хаджи-Юсуфа могъ бы назваться бородавкой, смотрѣли на меня такъ страшно, какъ-будто завидовали моимъ лохмотьямъ; баранья шапка, прикрывая порядочную копну черныхъ курчавыхъ волосъ, была надѣта на затылокъ; за плечами синяго бешмета моталась огромная котомка и чахолъ винтовки. Пристально смотря другъ другу въ глаза, мы не рѣшались на выстрѣлъ: вѣрному удару пули мѣшала неровность мѣста и два, три куста орѣшника, раздѣлявшихъ насъ. Нельзя же было цѣлый вѣкъ оставаться въ такомъ сомнительномъ положеніи. Я снялъ съ курка палецъ и поползъ впередъ. Страшный врагъ мой сдѣлалъ то же, но только такъ, какъ дѣлаютъ это раки.

— Если этотъ разбойникъ не запрашиваетъ меня въ засаду, подумалъ я, такъ онъ врагъ не опасный. «Кто ты?» спросилъ я, позабазински, стараясь голову спрятать за дерево, а винтовку положить на голый сукъ яблони, и на прицѣлъ. Отвѣта не было и только глаза незнакомца, еще болѣе увеличиваясь въ своихъ размѣрахъ, остановились на мнѣ съ выраженіемъ недоумѣнія. Я повторилъ свой вопросъ.

— Брось винтовку, скажу... я не врагъ твой... я тебя знаю! отвѣчалъ онъ, довольно чисто по-русски.

— Знаешь! повторилъ я съ невольнымъ страхомъ и также невольно исполняя его желаніе.

Digitized by Google

— Знаю, кунакъ, знаю! Ты бѣжалъ изъ аула Дозари, тому назадъ дней шесть.

— Но кто же ты?

— Армянинъ, коробочникъ.

Весьма немногіе знаютъ, что̀ такое коробочникъ. Это особенный, самобытный типъ людей, часто встрѣчающихся въ горахъ Кавказа; это мелочные торговцы, которые, съ котомкою за плечами, надѣясь на гостепріимство горцевъ, бродятъ въ скалахъ и трущобахъ Кавказа, подвергая жизнь свою, изъ-за ничтожнаго барыша, опасности на каждомъ шагу. Такихъ туристовъ-торговцовъ можно раздѣлить на два рода: одни изъ нихъ чисто-русскіе крестьяне, народъ бойкій, смѣлый и смышленый, бродятъ въ окрестностяхъ Тифлиса, на границѣ Персіи, въ Мингреліи, Имеретіи и Кахетіи, рѣдко вдаваясь въ горы; другіе, болѣе—знакомые съ дикарями, евреи и армяне, смѣло проходятъ трущобы Черныхъ горъ, Сванетію, Горную Кабарду, Чечню, Абхазію, Абазію и даже иногда являются въ аулахъ шапсуговъ, убыховъ и натухайцевъ. Это люди, которые съ грузомъ позумента, снурковъ, пуговицъ, петель и петелекъ всѣхъ родовъ, съ грузомъ пестрыхъ матерій, ситцевъ и небольшаго количества платья, за лишній абазъ готовы на встрѣчу съ хищниками и горскими абреками. Въ теченіе трехъ, четырехъ мѣсяцевъ такой коробочникъ, вынося бездну лишеній, каждую минуту опасаясь за цѣлость своего богатства и своей головы, обойдетъ верстъ тысячу, навѣстить своихъ старыхъ кунаковъ и побываетъ, нерѣдко, тамъ, куда трудно добраться и цѣлой экспедиціи... Воспоминаніе путевыхъ впечатлѣній и приключеній каждаго изъ нихъ могли бы составить весьма интересный романъ, который иной фельетонистъ школы Теккерея и Диккенса непремѣнно назоветъ сказкою. Мой встрѣчный незнакомецъ принадлежалъ къ послѣднему роду коробочниковъ.

Послѣ перваго нашего объясненія мы не имѣли нужды ни въ подозрѣніяхъ, ни даже въ винтовкахъ. Въ армянинѣ я точно узналъ странствующаго коробочника, котораго, за день до моего бѣгства изъ Дозари, мелькомъ видѣлъ у княжеской сакли. Въ свою очередь, онъ не солгалъ, что знаетъ меня. Весьма нерѣдко коробочники, обходя аулы, горы и ущелья, кромѣ торга, занимаются еще и другимъ ремесломъ, довольно для нихъ прибыльнымъ. Плѣнникъ, ясырь, перепроданный въ десятыя руки, часто находитъ въ нихъ своего избавителя. Возвращаясь на слѣдующій годъ въ горы, коробочникъ приноситъ ему радостную вѣсть о родныхъ, друзьяхъ, а иногда и выкупъ. Въ этомъ случаѣ обѣ стороны, какъ плѣнникъ, такъ и его владѣлецъ, разумѣется, остаются благодарны странствующему торговцу. Для моего новаго знакомца, Іосана, рас-

Digitized by Google

продажа скарба, заключавшагося въ его котомкѣ, служила только невиннымъ предлогомъ къ свободному посѣщенію горскихъауловъ, и все, что носилъ онъ за плечами, не давало ему такого богатаго барыша, какъ розыски о мѣстѣ заключенія плѣнныхъ и ихъ выкупъ.

Обрадованный такою встрѣчею, я вышелъ изъ моей засады и расположился въ оврагѣ рядомъ съ почтеннымъ Іосаномъ. По разбросаннымъ на травѣ объѣдкамъ шамаи, недоварёной кукурузы и сухарямъ, я легко могъ догадаться, что армянинъ былъ встревоженъ моимъ нежданнымъ появленіемъ въ ту же самую минуту, какъ и я, т. е. въ минуту отрадную для голоднаго странника. Онъ наслаждался своимъ обѣдомъ. Не отвѣчая на сотню сдѣланныхъ мнѣ вопросовъ, я прежде всего съ вожделѣніемъ напалъ на съѣдомое богатство армянина и уничтожилъ его кукурузу дочиста. Іосанъ глубокомысленно покачалъ головой, улыбнулся и вынулъ мнѣ изъ котомки пару шамаекъ.

— Вѣрно, давно не ѣлъ? спросилъ онъ.

— Два дня.

— Ничего?

— Ни корешка, ни крошки.

— А прежде?

— Подстрѣлилъ какую-то пеструю пташку, половину съѣлъ, половину оставилъ про запасъ...

— Гм... Гдѣ же она?

— Въ томъ-то и дѣло, что не знаю, гдѣ она... Должно быть, шакалка украла ночью.

— Куда же пробираешься теперь?

— До перваго мирнаго аула, на береговую линію...

Іосанъ надвинулъ папахъ на брови, снова стянулъ его на затылокъ и проворчалъ что-то на своемъ родномъ нарѣчіи.

— Не скоро же ты доберешься до своихъ, сказалъ онъ. — Уходя изъ Дазари, ты вѣрно бросился въ лѣсъ?

— Да...

— Потомъ въ бродъ перешелъ рѣчку.

— Да.

— Такъ; отъ того-то ты и очутился тамъ, гдѣ тебѣ ни слѣдъ, ни дорога. Послушай, кунакъ, продолжалъ онъ: есть у тебя родные?..

— Есть.

— Съ деньгами?

— Ну, такихъ нѣтъ. А что?

— Если бы мнѣ заплатили, такъ и быть, я бы тебя вывелъ изъ этого омута. Самому же тебѣ здѣсь побродить, походить, да и остаться.

Digitized by Google

Такая откровенность со стороны коробочника заморозила кровь въ моихъ жилахъ. Съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ и новымъ моимъ шагомъ впередъ я мечталъ о скоромъ своемъ избавленіи отъ всѣхъ лишеній и страданій; а теперь изъ словъ армянина хорошо понималъ, что мнѣ придется или умереть отъ голода и лишеній на распутьи, или снова отдаться въ руки моихъ враговъ.

— Послушай, сказалъ я: если ты сдѣлаешь доброе дѣло и поможешь мнѣ добраться до своихъ, то не будешь въ накладѣ.

— А какъ это случится?

— У меня есть друзья, которые...

— Друзья? Хе! Какъ-будто бы они у тебя могутъ быть? съ усмѣшкою замѣтилъ Іосанъ, разглядывая мои печальныя лохмотья... Жалкая надежда на некормленнаго коня! Друзья твои вѣрно ужь давно не видали у тебя даже вытертаго абаза...

— Правда, правда! прошепталъ я, грустно задумываясь надъ истиною словъ коробочника.

— Но однако, назови кого-нибудь, сказалъ онъ, быть можетъ, я и знаю...

Я назвалъ поручика Б., моего товарища по службѣ и по воспитанію, человѣка, съ которымъ насъ связывало многое: общность характера, понятій и обстоятельствъ жизни при искренней другъ къ другу привязанности.

— Знаю, знаю! быстро подхватилъ армянинъ:—хорошій человѣкъ, съ деньгами человѣкъ, добрый баринъ; знаю: онъ теперь въ Псізоопѣ. Пойдемъ! Теперь пойдемъ!

Съ этими словами Іосанъ отстегнулъ крючки, смыкавшіе крышку его кожаной котомки, вынулъ черкеску верблюжьей шерсти, папахъ и пару сафьянныхъ чириковъ.

— Надѣвай, сказалъ онъ: послѣ заплатишь.

Семь мѣсяцевъ не видя на себѣ порядочнаго лоскута, я съ восторгомъ ребенка бросился къ подарку моего добраго армянина. Тщательно осмотрѣвъ меня въ новомъ костюмѣ, Іосанъ сдѣлалъ мнѣ нѣсколько наставленій, какъ долженъ былъ я вести себя въ предстоящемъ пути и въ его обществѣ. Онъ мнѣ открылъ, что на берегахъ Бзыби самъ является только первый разъ; что странствованіе наше продолжится, быть можетъ мѣсяцъ, а легко случится, что и два. Іосанъ отыскивалъ въ горахъ, плѣннаго мингрела Джгали, богатаго человѣка, захваченнаго абазехами въ минувшую осень. Слѣдъ Джгали былъ уже открытъ: перепроданный въ четвертыя руки, онъ, по разсказамъ кунака Іосанова, Арсланая, мелкаго цебельдинскаго князька, находился теперь въ Бзыби.

Digitized by Google

II.

Смеркалось, когда на предгорьи и у порога саклей, вдоль неправильной тропинки, замѣнявшей для аула площадь, мы замѣтили особенное движеніе.

Дѣти и женщины съ глиняными кувшинами толпою сходились у общаго водоема; старые горцы тщательно разметали грязь и пыль передъ порогомъ своихъ мазанокъ въ то время, какъ молодежь, въ праздничныхъ чухахъ, съ почтеніемъ подходила къ старымъ наѣздникамъ и молча, съ какимъ-то благоговѣніемъ, окружала ихъ саклю.

— Смотри, случалось ли тебѣ видѣть, спросилъ Іосанъ: какъ ловко и безстрашно умѣютъ цѣпляться горцы по скаламъ, на которыхъ не удержится и муха? Съ этими словами онъ указалъ на четырехъ абазеховъ, взбиравшихся на крутизны скалъ. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя было безъ страха и изумленія видѣть этихъ акробатовъ, опоясанныхъ въ нѣсколько рядовъ веревкою и вооруженныхъ желѣзнымъ крюкомъ, имѣвшимъ форму кочерги. Съ изумительною ловкостью горцы, пронзительно перекликаясь, прыгали надъ обвалами и, сдержавшись на вѣсу за какой-нибудь ненадежный кустъ можжевельника, быстро закидывали крюкъ въ трещины скалы и снова, то выползая на груди, то переби-гая едва замѣтныя для глаза стежки, подымались все выше и выше, Наконецъ они остановились, звонко откликнулись другъ другу и сбросили къ нижнимъ площадкамъ свои веревки. Въ ту же минуту привязанныя къ этимъ веревкамъ четыре насмоленыя корзины были подняты на скалы и вздѣты на палки. Въ теченіе получаса полсотни такихъ корзинокъ были разставлены по дугѣ скалъ, окружавшихъ аулъ.

— Что это значитъ? спросилъ я Іосана.

— А то, что мы пришли къ Дзыбцамъ въ благопріятное для насъ время. Сегодня они празднуютъ ночь Созереша * и считаютъ для себя счастливымъ предзнаменованіемъ, если въ это время нечаянно появится въ аулъ странникъ. Пойдемъ, сказалъ армянинъ: опасаться нечего. Отправляясь въ путь, мы условились, что, въ случаѣ любопытства горцевъ, мнѣ должно назваться мингреломъ, также странствующимъ коробочникомъ и помощникомъ Іосана. Оставивъ рощу, мы направились къ аулу, держась обрывомъ и стараясь незамѣченными добраться до первой сакли. Товарищъ мой владѣлъ необыкновеннымъ умѣньемъ карабкаться по неровной крутизнѣ и находить часто тамъ удобныя тропинки для пѣшехода, гдѣ, казалось, не проберется и дикая коза. При помощи

* Богъ обилія и домашняго благоденствія.

Digitized by Google

его находчивости, мы благополучно и скоро добрались до аула, который раскидывался на площадкѣ въ два ряда правильно расположенныхъ саклей. Вмѣсто того, чтобъ идти въ *асасайру*, передовую или глиняную мазанку, Іосанъ попалъ вмѣстѣ со мною въ семейную саклю, называемую *амхарою*. Визгъ и крикъ женщинъ, которыхъ мы застали въ минуту ихъ туалета, остановилъ насъ при первомъ шагѣ за порогъ мазанки. Испуганный армянинъ совершенно растерялся и не двигался съ мѣста; раздѣляя его неудачу, я только старался спрятаться за котомкою Іосана въ то время, какъ чадры, чирики (башмаки) и шапочки вмѣстѣ съ шальварами летѣли намъ въ голову.

— Ахъ! асхей-асханы! (отцы отцовъ монхъ!) Да это гяуры! Безсовѣстные бродяги-абреки! Вонъ ихъ! Вонъ! раздалось со всѣхъ сторонъ.

Іосанъ успѣлъ прійти въ себя отъ неожиданной встрѣчи и невыгоднаго пріема... Онъ уже почтительно приподнялъ свой папахъ, готовый высказать длинную рѣчь въ похвалу добродѣтелей, красоты, снисхожденія прекрасныхъ горянокъ, и, разумѣется, въ свое оправданіе, какъ изъ толпы отдѣлились двѣ красивыя дѣвушки, быстро бросились къ моему вожатому, обвернули ему голову какой-то тряпкой и вытолкали насъ за порогъ сакли. Громкій и рѣзвый смѣхъ слышался за дверью мазанки, когда я бросился на помощь къ бѣдному коробочнику, желая распутать лоскутъ чадры, обвивавшій его голову, но въ ту же минуту сильная рука схватила меня за воротъ и оттолкнула шаговъ на пять отъ почтеннаго Іосана, такъ, что я едва не разстался съ нимъ и съ жизнью, съ трудомъ удержавшись на закраинѣ обрыва. Дѣло очевидно принимало для насъ весьма дурной оборотъ. Однакожъ нашъ промахъ, благодаря высокому понятію горцевъ о гостепріимствѣ, кончился для насъ благополучно. Старый горецъ Албей, старшина семейства, къ которому мы явились незванными гостями, подоспѣвшій на крикъ женщинъ, послѣ короткаго объясненія съ Іосаномъ, разразился громкимъ смѣхомъ, когда узналъ, что мы были встрѣчены цѣлымъ залпомъ башмаковъ и шальваровъ. Искренняя отъ души нашу ошибку и весьма довольный, что въ ночь Созерешa странники пришли именно къ его саклѣ, онъ прежде всего протянулъ мнѣ руку, прося не помнить обиды и неосторожнаго толчка.

— Если ты хочешь плясать сегодня на нашемъ праздникѣ, странникъ, сказалъ онъ: то моя дочь, красавица Кубегуля, до тѣхъ поръ, пока не сгоритъ послѣдняя корзина на нашихъ скалахъ, будетъ твоею подругою... Прости меня! Домъ мой—твой домъ, и дѣти мои да будутъ твоими братьями, кто бы ты ни былъ!..

Digitized by Google

Между тѣмъ, какъ совершалась эта патріархальная сцена, толпа молодыхъ и сѣдыхъ наѣздниковъ сдвинула около насъ тѣсный кружокъ.

—«Га! кунаки! гости Созерема! братья! раздавалось со всѣхъ сторонъ... Ко мнѣ, ко мнѣ! Моя сакля просторна и богата; мои бурки мягки, какъ пѣна Бзыби! Ни у кого нѣтъ такихъ жирныхъ барановъ, какъ у меня!» кричали гостепріимные абазехи и сотня рукъ тащили насъ въ разныя стороны. Въ избыткѣ похвальнаго радушія наѣздники вѣрно растащили бы насъ, какъ говорится, на щепо́къ по клочьямъ, еслибъ Албей, возвысивъ голосъ, не объявилъ, что мы уже его гости и просили пріюта въ его саклѣ. Когда споръ былъ рѣшенъ предъявленными на насъ правами стараго Албея, вниманіе наѣздниковъ обратилось къ котомкѣ Іосана. Нельзя передать ихъ восторга, съ которымъ они бросились на мелочь: колечки, пуговки, тесемки и мишурные снурки армянина. Въ одну минуту было раскуплено до нѣсколько сотенъ мелочныхъ предметовъ. Вещи, особенно пригодныя для подарка дѣвушкамъ и женщинамъ, имѣли огромный и выгодный сбытъ. Іосанъ торжествовалъ и радовался въ душѣ за пріемъ, намъ оказанный.

Между тѣмъ ночь раскидывалась надъ скалами. Въ сѣроватомъ полусвѣтѣ вечера—картина абзыбскихъ ландшафтовъ измѣнилась совершенно. Прозрачный, струйчатый туманъ легкимъ дымчатымъ ковромъ опоясалъ предгорья и раскинулся въ ущельяхъ; въ немъ исчезла далекая окрестность и самая Бзыбь, и только подъ скалою рисовался во всѣхъ своихъ фантастическихъ формахъ далекій лѣсъ. Кругомъ тянулись непроницаемыя для взгляда пустыни, молчаливыя и безмолвныя. Ни вскрикъ птицы, ни визгъ ея размашистаго крыла, ни даже шумъ и шорохъ пролетнаго вѣтра не нарушали молчанія воздуха... Казалось, все замерло, все уснуло непробуднымъ сномъ въ эту минуту и на одномъ только уступѣ скалы, въ сумракѣ вечера, рисовались толпы статныхъ горцевъ, да ихъ размашистыя тѣлодвиженія при бойкомъ и громкомъ словѣ наѣздниковъ... Но вотъ на площадкѣ показались группы стройныхъ горянокъ, и затѣмъ въ концѣ аула, по восточную его сторону, раздались три выстрѣла; въ ту же минуту на скалахъ, съ трескомъ зажглись и запылали корзины, бросивъ въ небо яркое зарево... Картина была чудная! Первая въ отсвѣтѣ огня блеснула передъ нашими глазами *Бзыбь*, за нею—фантастическая роща. Мрачная въ своихъ оврагахъ и переходахъ, она облилась по вершинамъ деревьевъ такимъ дивнымъ фіолетовымъ огнемъ, котораго не перенесла бы на полотно никакая животворная кисть; сакли аула казались тлѣющимъ углемъ въ то время, какъ безпрерывное дыханіе воздуха и вѣтра поддерживаетъ его яркій пылъ... За выстрѣлами, мужчины и женщины раздѣлились посемейно, и въ не-

Digitized by Google

момъ, благоговѣйномъ молчаніи, каждая семья разошлась къ саклѣ своего старшины. Я и Іосанъ послѣдовали за Албеемъ и, какъ гости, пользовались почетнымъ правомъ идти впереди всѣхъ сейчасъ же за старшиною. Все это торжественное шествіе, нѣмое молчаніе горцевъ и особенно горянокъ, которыя, сказать кстати, всегда и во всякое время заговорятъ первую провинціальную кумушку, мѣрная походка наѣздниковъ, ихъ скромность и безмолвіе заставили меня нѣсколько оглянуться. Зная подвижной, энергическій характеръ горныхъ абазеховъ, я удивляся ихъ тишинѣ, ихъ, можно сказать, несмѣлой поступи: какъ-будто бы эта семья вся шла на костеръ—такъ были мрачны и угрюмы лица меня окружавшихъ. Мы перешли площадку аула и поднялись на скалу, надъ обрывомъ которой раскидывался амбаръ Албея.

—«Созерешъ, прости насъ, если мы неумѣренно поѣдали плоды съ деревъ нашихъ; прости намъ за лишне съѣденнаго барана!.. Созерешъ, дай намъ увидѣть тебя!» благоговѣйно и простодушно шептали горцы и горянки.

Албей торжественно оглянулся на толпу, за нимъ слѣдовавшую, далъ знакъ остановиться и приблизился къ дверямъ амбара.

Въ эту минуту, какъ изъ земли выросъ маленькій, толстый и, сказать по правдѣ, чрезвычайно отвратительной наружности турокъ. Нигдѣ и никогда еще зеленый цвѣтъ съ пунцовымъ, не гармонировалъ такъ невыгодно, какъ зеленая чалма солиднаго правовѣрнаго, съ его ноздреватою, покрытою прыщами и ярко-фіолетовою физіономіею. Съ перваго взгляда легко можно было заключить, что почтенная отрасль Могамета, несовсѣмъ слѣдовала его завѣту и не прочь была отъ кахетинскаго.

— Вотъ нашъ врагъ! Надо его сжить съ рукъ! шепнулъ мнѣ Іосанъ... Поддерживай меня... не то мы пропали: у этого звѣря зоркій глазъ и, повѣрь, для него тебѣ не быть мингреломъ.

— Дай дорогу! Прочь! крикнулъ армянинъ.

Сотня голосовъ повторила то же самое.

Въ первое мгновеніе зеленая чалма сдѣлала нѣсколько шаговъ назадъ; но, вѣроятно, не желая потерять власти, какою пользуются его собраты-выходцы надъ умами жалкихъ дикарей, онъ сталъ въ позу драматическаго героя и, раскинувъ руки, остановился передъ Албеемъ.

— Что ты дѣлаешь? вскричалъ онъ.

— Не жалѣй языка! шепнулъ мнѣ Іосанъ.

— Съ дороги его, съ дороги! подхватилъ я, совершенно не понимая, чѣмъ бы могъ повредить мнѣ этотъ невзрачный карликъ, котораго толщина пропорціонально равнялась его росту.

— Съ дороги, съ дороги! подхватили горцы.

Digitized by Google

— Правовѣрные! Такъ-то вы помните слова Корана? началъ было зеленый турокъ.

— Съ дороги! съ дороги! повторяли горцы.

— Мудрый и благородный Албей, швырни его со скалы, онъ смѣется надъ обрядами и завѣтами отцовъ твоихъ! подсказалъ Іосанъ.

— Со скалы его! со скалы въ джехенемъ! крикнула молодежь, положивъ руку на кинжалы и выступая впередъ.

—«Да будетъ! Во имя Созереша!» громко сказалъ Албей, ухвативъ за воротъ турка.

— Во имя Созереша, во имя Созереша погибаетъ тотъ, кто смѣется надъ завѣтами отцовъ нашихъ! отозвались мужчины и женщины.

— Во имя Созереша! сказалъ Албей—и зеленая чалма закрутилась внизъ по косогору.

Признаюсь, отъ этой короткой и скорой расправы у меня потемнѣло въ глазахъ: бѣдный турокъ, кубаремъ прокатившись саженъ шесть внизъ по косогору, со стономъ приподнялся на ноги, снова упалъ и поползъ въ кусты явора. Изъ этого я легко заключилъ, что турки, постоянные враги русскихъ, проповѣдуя вѣчную въ горахъ вражду къ намъ, небольшимъ почетомъ пользуются и у абазеховъ.

Изъ толпы горцевъ никто даже не удостоилъ оглянуться на сброшеннаго. Все вниманіе горцевъ было сосредоточено на растворенныхъ дверяхъ амбара, въ который, нашептывая какую-то молитву, медленно вступилъ старшина. При яркомъ свѣтѣ огней, пылавшихъ на скалахъ, мы видѣли, какъ Албей принялся разрывать уголъ амбара, заваленный хламомъ. Пыльныя ветошки, старыя попоны и войлоки вмѣстѣ съ обломками арбяныхъ колесъ летѣли по сторонамъ, выбрасываемые нетерпѣливою рукою старшины. Наконецъ онъ дорылся до чего-то, и находка его была встрѣчена крикомъ: «Созерешъ! Созерешъ!» Дѣйствительно Созерешъ былъ вытащенъ изъ своего годичнаго заключенія и поставленъ на срединѣ амбара. Въ богѣ обилія и домашняго благоденствія мы увидѣли огромный уродливый и грязный чурбанъ съ семью сучьями, къ которымъ тотчасъ же одна изъ дѣвушекъ прилѣпила по свѣчкѣ и зажгла ихъ. * Горцы вступили въ амбаръ безъ шапокъ и окружили рогатое изображеніе Созереша. Церемонія продолжалась недолго. Общество усердныхъ чтителей чурбана, взявшись за руки, составило около него кругъ, и старшина прочелъ воззваніе, въ родѣ

* Подобный обрядъ празднина «Созереша» разсказалъ въ соч. «Подраженіе Кавказа». Часть 2, стр. 258.

Digitized by Google

слѣдующаго: «Созерешъ! благодаримъ тебя за урожай нынѣшняго лѣта; просимъ тебя дапрость намъ и въ будущемъ обильную жатву; просимъ тебя, Созерешъ, охранять наши хлѣба отъ кражи, нашъ амбаръ отъ пожара!» «Просимъ тебя, Созерешъ, просимъ!» повторяли горцы и обрубокъ былъ вынесенъ на порогъ амбара. Тотчасъ разостлались ковры, бурки, попоны, цыновки, плетеныя изъ камыша и началась попойка во славу Созереша.

Абазехи любятъ пожить веселе; для нихъ праздникъ — пиръ горой, впрочемъ, не потому, чтобы цѣль этого праздника ограничивалась попойкой и пляской. Праздничная попойка для нихъ часто результатъ предпріятій цѣлаго аула... Умы разгорячены виномъ, энергія—бойкимъ разсказомъ о минувшей удали; сердце на распашку; мнѣнія откровенны, и вотъ почему для нихъ каждый пиръ тотъ же импровизированный *хасъ* (*совѣтъ*). Тутъ иногда рѣшаются свадьбы, сочиняется умная пѣсня и интересный разсказъ. Къ сожалѣнію, въ началѣ веселья я долженъ былъ отказаться отъ завиднаго права плясать цѣлый вечеръ съ хорошенькою Кубегулею, дочерью Аблея. Рѣшиться на такой подвигъ, значило осрамить себя на весь аулъ; я былъ увѣренъ, что даже и старый конь моего хозяина далеко лучше меня плясалъ лезгинку. Во всякомъ случаѣ, надо же было чѣмъ нибудь вознаградить себя за такую грустную потерю... Не желая оставаться равнодушнымъ и безмолвнымъ гостемъ, я подсѣлъ къ обществу стариковъ. Послѣдніе на этотъ разъ, противу своего обыкновенія, забыли споры о достоинствѣ своихъ шашекъ и снова обратились къ котомкѣ Іосана. Между множествомъ дешевыхъ мелочей, Албей въ сокровищницѣ армянина нашелъ колоду картъ.

— Картинки! картинки! крикнуло нѣсколько голосовъ, и десятки рукъ потянулись къ картамъ. Слово «картинки» въ минуту сообщилось отъ одной тотпы къ другой, и скоро все населеніе аула, забывъ и бурдюки съ кахетинскимъ и пляску, мужчины и женщины, старики и молодые стеклись поглядѣть на диковинку. Назначеніе находки Албея немногимъ было извѣстно; но нѣкоторые изъ стариковъ, а въ томъ числѣ и нашъ хозяинъ, знали употребленіе картъ, при помощи которыхъ, въ трефоваго джигита умѣли проиграть не одну чуху съ плечъ и не одинъ абазъ во время своихъ странствованій въ Нижней Абазіи и Кабардѣ. Горцы большіе хвастуны, и потому тотчасъ же между стариками нашлось человѣка три, которые съ особенною важностью и съ большимъ педантизмомъ принялись нацерерывъ объяснять новичкамъ процесъ игры. Въ этомъ случаѣ понятія молодежи не были тупы, и двадцать охотниковъ вызвались на состязаніе. Но Албей перебилъ и перекричалъ

Digitized by Google

всѣхъ. Завладѣвъ *колодою*, онъ предложилъ Іосану сыграть съ нимъ въ трефоваго Джигита, * на мотокъ позумента, и отвѣчая съ своей стороны баранами. Игра началась. Мотокъ позументовъ былъ оцѣненъ обществомъ сѣдыхъ бородъ въ десять абазовъ (2 р. сер.), баранъ—въ четыре абаза. Армянинъ былъ знатокъ своего дѣла и работалъ хладнокровно, разсчитано, даже несовсѣмъ чисто; горецъ, можно сказать, не умѣлъ играть и былъ запальчивъ, какъ горцы. Мнѣ стало жаль бѣднаго Албея, когда онъ, проигравъ своихъ почти единственныхъ трехъ барановъ, на два абаза поставилъ коверъ, на которомъ мы сидѣли—и коверъ перешелъ въ руки счастливаго Іосана.

— Ну, такъ отыграюсь же я! вскричалъ побагровѣвшій отъ досады старикъ, готовый свернуть голову трефовому джигиту.

— А что́ поставишь? равнодушно спросилъ Іосанъ, играя картами.

— Дочь! Кубегулю!

Я взглянулъ на дѣвушку. Блѣдная, но безъ всякаго тревожнаго выраженія въ прекрасныхъ глазахъ, молодая горянка взлянула на отца, потомъ на его противника и, перекинувъ на грудь прядь своихъ черныхъ косичекъ, принялась играть ими съ такимъ равнодушіемъ, какъ будто отецъ проигрывалъ свои старые *чирики*.

— А сколько? съ невозмутимымъ хладнокровіемъ спросилъ Іосанъ въ то время, какъ въ его рукахъ каждая карта уже знала свое мѣсто.—Четыре раза *курушки-обезе*, отвѣчалъ Албей. ** Хорошо, продолжалъ армянинъ, чтобъ покончить дѣло разомъ, не пытая души, я ставлю всю мою котомку.

— Ставь!.. кидай карту! мрачно отозвался Албей.

Мнѣ стало грустно за будущее бѣдной дѣвушки. Спасти ее не предвидѣлось средствъ: для Іосана выигрышъ былъ вѣренъ. Помѣшать ему значило потерять свою свободу... Но Кубегуля была такъ хороша, въ ея блѣдномъ лицѣ просвѣчивалось теперь столько сильной грусти, что, казалось, дочь Албея не выдержитъ своей пытки и зарыдаетъ... Картина вообще была поразительна. Албей посинѣлъ отъ роковаго ожиданія. Кругомъ стоявшія женщины въ молчаніи наклонили свои красивыя головки, какъ-бы сознавая свое безсиліе и ничтожество; старые и молодые горцы, сдвинувъ шапки на густыя брови, сверкающимъ взглядомъ слѣдили каждую выпавшую карту. Еще два, три движенія ловкой руки игрока—и Кубегулю выигралъ-бы армянинъ. Не знаю, вслѣдствіе какого

* Игра, стоющая европейскихъ штосовъ; въ ней первенствуетъ трефовый валетъ. Смот. «Досторные разсказы объ Абазіи, записки плѣннаго офицера.» «Пантеонъ» 1850 г.

** *Курушки*—сорокъ.

Digitized by Google

увлеченія и порыва, но я рѣшился лучше измѣнить Іосану, чѣмъ хорошенькимъ глазамъ горянки, которыя въ эту минуту выразили сильное отчаяніе...

Быстрымъ движеніемъ, придавая, впрочемъ, этому движенію видъ неловкости, я такъ мѣтко швырнулъ отъ себя пустой азерпешъ, что остатокъ картъ вмѣстѣ съ трефовымъ джигитомъ далеко вылетѣлъ за коверъ изъ рукъ Іосана.

Въ одно мгновеніе началась общая суматоха. Одни бросились подбирать карты, другіе вступили въ жаркій споръ, о томъ на чью сторону палъ бы трефовый джигитъ. Однимъ словомъ главный виновникъ этой исторіи остался никѣмъ незамѣченнымъ, кромѣ Кубегули... Зардѣвшись яркимъ румянцемъ, она взглянула на меня такъ ласково, съ такою теплою благодарностью, что я рѣшительно готовъ былъ сейчасъ же и армянина и его предательскую котомку спустить въ Дзыбь.

Взглядъ Кубегули влилъ въ меня бездну отваги и храбрости. Я рѣшился довершить мой славный подвигъ.

— Снова! снова перекинуть карты! кричали одни.

— Вздоръ! подхватили другіе... Я, и я, и я видѣлъ какъ трефовый джигитъ шелъ къ джигиту Албею.

— Не правда, не правда! повторяли немногіе, которыхъ не всегда Кубегуля удостоивала ласковымъ взглядомъ.

— Постойте! постойте храбрые и славные наѣздники! перебилъ я, крѣпко опасаясь, что, для развязки спора, рано или поздно, доберутся и до меня, а хорошенькая Кубегуля все-таки достанется костлявому Іосану.

— Слушайте! слушайте, что́ онъ скажетъ! крикнуло нѣсколько голосовъ.

Между тѣмъ я успѣлъ завладѣть колодою и спустить трефоваго джигита за рукавъ черкески.

— Кто говоритъ, спросилъ я, что трефовый джигитъ палъ на сторону Албея?

— Я говорилъ, я и я! отозвались старики.

— Ну, а кто увѣряетъ, что онъ палъ къ Іосану?

— Мы, мы! крикнули нѣкоторые изъ молодежи, непріязненно взглянувъ на Кубегулю, какъ бы говоря этимъ: «Ага! и на нашей улицѣ праздникъ!»

— Храбрые и благородные джигиты, отвѣчалъ я: всѣ вы говорите неправду: трефоваго джигита уже давно нѣтъ въ игрѣ...

— Какъ! Покажи-ка... покажи!

Болѣе всѣхъ изумленъ былъ Іосанъ. И въ то время, какъ сотня

Digitized by Google

рукъ принялась разбирать карты, валетъ перепрыгнулъ въ карманъ къ моему сосѣду Кубей-сыну, самому рѣяному спорщику изъ всей почтенной толпы.

Пользуясь общимъ изумленіемъ и первымъ впечатлѣніемъ ко всему воспріимчивыхъ горцевъ, я далъ себѣ слово искусно и съ торжествомъ доиграть роль пеглевана. Для этого мнѣ стоило припомнить всѣ классическіе карточные фокусы, которые я пріобрѣлъ еще на школьной скамьѣ цѣною пяти сахарныхъ булокъ и, кажется, двухъ коврижекъ, и которые незнакомы развѣ только двухлѣтнему ребенку.

— Такъ нѣтъ трефоваго джигита? спросилъ я.

— Нѣтъ!... нигдѣ нѣтъ! отвѣчали озадаченные горцы.

— Видите, стало-быть, игра ни чья... Да постойте, кунаки, такъ ли еще карты шутятъ! Вотъ, глядите, *баланъ?* спросилъ я, показывая всѣму обществу бубноваго туза.

— Баланъ, баланъ! отозвались всѣ.

— А ну-ка, продолжалъ я: дунь Іосанъ. — Армянинъ дунулъ и предъ глазами зрителей явился *тшашты* (старшина, бубновый король), ага! тютю! Гдѣ жь онъ?

— Въ толпѣ послышались восклицанія въ родѣ неизбѣжныхъ: «пхе! гей! гай! ухъ!» на всѣхъ лицахъ выразилось крайнее изумленіе. По желанію стариковъ и молодыхъ, карты исчезали и являлись въ моихъ рукахъ, наконецъ я пошелъ дальше и, по извѣстному порядку, предложилъ угадывать задуманныя карты... Это ужь было вершиною моего искусства и торжества. Горцы обступили меня, разглядывали, поворачивали, казалось, даже готовы были выворотить — такъ ихъ озадачило мое рукодѣлье.

— Въ немъ сидитъ шайтанъ... непремѣнно самъ шайтанъ! шептали старики.

Вдругъ, къ общему удовольствію, а къ моему въ особенности, тому изъ горцевъ, къ которому въ карманъ я опустилъ валета, вздумалось спросить:

— Отгадай же теперь, кунакъ, куда запропастился трефовый джигитъ? Ну-ка! добавилъ онъ съ такимъ видомъ, который ясно говорилъ: теперь посмотримъ, какъ тутъ умудришься!

— Да̀, да̀, отгадай! укажи! найди! подхватили прочіе зрители.

— Извольте... хоть это и трудно, но ужь для васъ, для вашего гостепріимства, кунаки, я готовъ....

— Грязью кормитъ! порошитъ глаза пылью лжи и обмана! сказало нѣсколько невѣрующихъ.

— Ну, ну! мы ждемъ, мы смотримъ! замѣтили другіе.

Digitized by Google

Съ комическою важностью, нахмуривъ брови, я выступилъ впередъ и, окинувъ внимательнымъ взглядомъ молчаливую толпу, торжественно положилъ мою руку на плечо Кубей-сына. Я слышалъ, какъ изумленный горецъ дрогнулъ отъ моего прикосновенія, будто на его плечѣ лопнула граната.

— Храбрый и честный Кубей-сынъ, по моей волѣ, трефовый джигитъ перешелъ въ твой карманъ! мѣрно и важно сказалъ я.

Горецъ вывороталъ карманы своихъ шальваръ и, при цѣломъ взрывѣ восклицаній и топанья ногъ (горское средство выражать восторгъ), трефовый джигитъ упалъ на коверъ.

Тутъ только Іосанъ подарилъ меня взглядомъ, какимъ не подаритъ и отецъ роднаго сына послѣ долгой съ нимъ разлуки.

Я понялъ этотъ взглядъ, или, лучше сказать, понялъ и армянинъ, что съ такимъ товарищемъ онъ будетъ кушать некупленный шашлыкъ въ горахъ.

— Да гдѣ же ты наглотался такой мудрости? вскричалъ Албей.

— Эге! отвѣчалъ за меня Іосанъ, онъ, кунаки, довольно погостилъ у русскихъ.

— У русскихъ! Тамъ... за нашими горами! повторила въ одинъ голосъ толпа, и мнѣ кажется не одинъ цыганъ-барышникъ не въ состояніи обревизовать покупаемаго коня такъ, какъ любопытные дикари и хорошенькія горянки принялись снова разсматривать меня. Если бы я свалился къ нимъ на голову прямо съ луны, то и тогда не былъ бы предметомъ такого вниманія и удивленія.

— У руссыновъ! ай, ай! повторяли мужчины и женщины.

— Сердиты руссыны? Холодно у нихъ? Что они ѣдятъ? Какъ ихъ зовутъ—Иванъ? да?... Марушка-да?! Тысяча вопросовъ сыпались со всѣхъ сторонъ; я едва успѣвалъ отвѣчать.

— Тс! стойте! стойте! вскричалъ Албей: —разспросимъ его по порядку, все разспросимъ до оконечности ногтей русскихъ. Садись, кунакъ! Садитесь, кунаки!.. Кубегуля налей ему азерпешъ вина, развяжи ему языкъ.

Азерпешъ былъ осушенъ.

— А еще? съ особенною нѣжностью спросила дѣвушка.

— Благодарю, прекрасная Кубегуля, отвѣчалъ я: больше не могу...

— Тс! слушайте! слушайте! сказали мужчины.

— Тс! слушайте: онъ будетъ говорить. Слушайте! повторили женщины,

— Ну!

— Ну!

Digitized by Google

— Говори! говори!

— Позвольте кунаки, съ чего же я начну...

— Да ты скажи намъ прежде, началъ Алебей:—куда они тебя спрятали —въ ледники, въ снѣгъ закопали?

— Какъ въ снѣгъ? спросилъ я.

— Да; съ особенною увѣренностью сказалъ одинъ изъ старшинъ.— Нашъ турокъ разсказывалъ, что они всѣхъ нашихъ въ *сибуръ* закапываютъ, гдѣ, говоритъ, ни солнца, ни мѣсяца, ни звѣздъ нѣтъ, а всегда темно такъ, какъ въ моемъ карманѣ.

— Солгалъ разбойникъ! солгалъ, отозвался я... Да знаете ли вы, почтенные джигиты, что нѣтъ краше земли русской: тепло, сыто, привольно, весело...

— Гей! эге!

— Да.

— Ну, ну! А, что на медвѣдяхъ, кунакъ, спокойно ѣздить? а? рысисты русскіе медвѣди...

— Ужь не это ли вамъ сказывалъ турокъ, что русскіе на медвѣдяхъ ѣздятъ?

— Онъ! онъ!

— Самъ онъ медвѣдь—трапезондскій. Потѣшается, кунаки, надъ вашею простотою. Ну, умные вы люди, посудите, какъ можно осѣдлать медвѣдя? Да и зачѣмъ русскимъ медвѣди для верховой ѣзды, когда у нихъ такіе вихри, что всякаго вашего карабахца на скаку затопчатъ...

— Вотъ неправда! Нѣтъ, пылью бросилъ въ глаза! крикнуло нѣсколько голосовъ.

— Именно такъ!... Турокъ сказывалъ, что у нихъ если и есть лошади, то это наши, да и тѣ съ изъяномъ; у всѣхъ жилки турками подрѣзаны...

— Какъ подрѣзаны?... для чего же?

— А для того, говоритъ турокъ, когда мы во имя его Магомета, въ котораго скоро увѣруемъ, бросимся пощипать русскаго мяса, да если на уходъ пойдемъ, ужь русскія только стой... не догонятъ.

Вооружась всѣмъ краснорѣчіемъ, какое дозволяло мнѣ плохое знаніе мѣстнаго языка, я уже готовъ былъ разъяснить всѣ злыя басни и сказки, какія разсѣваются въ горахъ на счетъ русскихъ ихъ вѣчными и тайными здѣсь врагами, какъ нетерпѣливое любопытство женщинъ лишило моихъ слушателей одного, быть можетъ, изъ прекраснѣйшихъ мѣстъ моего разсказа.

— А жены красивы у русскихъ? спросила Кубегуля.

— Есть такія же хорошенькія, какъ ты, есть и некрасивыя.

Digitized by Google

— А, какъ онѣ говорятъ съ мужьями?

— Здравствуй, я тебя люблю: дай денегъ... прощай!

— Что это значитъ?

Я перевелъ, и по желанію дѣвушекъ всю фразу долженъ былъ повторить разъ десять; казалось, всѣ онѣ усердно, какъ попугаи, заучивали эту фразу.

— Какъ же одѣваются русскія женщины? спросилъ Албей.

— Шальваръ не носятъ, началъ я... какъ вдругъ общій взрывъ самаго задушевнаго смѣха оглушилъ меня.

— Какъ! безъ шальваръ! Кубей-сынъ, слышишь, безъ шальваръ!... Да какъ же это? Ну, ну!

— Такъ, совсѣмъ безъ нихъ? серьёзно и тараща глаза, спросилъ одинъ изъ горцевъ.

— Совсѣмъ.

— Да... постой! возразилъ онъ, однакожь:—вѣдь онѣ показываются между мужчинами?

— Да.

— Ну... и безъ шальваръ?... Да что ты, кунакъ...

Тутъ ужь я долженъ былъ нарисовать полный нарядъ русскихъ женщинъ, щадя возмущенное цѣломудріе невсегда цѣломудренныхъ горцевъ.

— И все это странно! Какъ это?... Неловко! покачавъ головой, глубокомысленно замѣтилъ Албей. Исправны жены русскихъ? спросилъ онъ послѣ недолгаго молчанія.

— Исправны.

— А! И хорошо чистятъ лошадей мужьямъ?

— Это не въ обычаѣ русскихъ, отвѣчалъ я; у нихъ всѣ трудныя, всѣ тяжелыя и черныя работы взяли на себя мужчины.

— Какъ! и кукурузы съ полей не возятъ? и саклей въ день Тлепса или Шибли (*) не обмазываютъ глиной! вскричали горцы.

— И за водой не ходятъ къ колодцу? подхватили женщины.

— Нѣтъ.

Но, несмотря на всѣ мои убѣжденія и доводы, въ послѣднемъ случаѣ мнѣ не повѣрили абазехи; это было совершенно внѣ ихъ понятій.

Затѣмъ мнѣ пришлось спѣть нѣсколько русскихъ пѣсенъ, которыя чрезвычайно понравились горцамъ.

А между тѣмъ корзины, раскиданныя по скаламъ, догорали сверкая, и вспыхивая углями, и не смотря на то, что нашъ разговоръ былъ

(*) *Тлепсъ* — богъ огня; *Шибли* — грома.

Digitized by Google

интересенъ для всѣхъ, многіе изъ славныхъ джигитовъ такъ насосались своего чихиря и кахетинскаго, что уже давно спали...

Праздникъ кончился; горцы стали расходиться по домамъ. Я, Іосанъ и Кубегуля, отправились въ кунакскую саклю Албея.

По обычаю абазеховъ, жена, или дочь, должна прислуживать гостямъ, странникамъ; и дѣйствительно, едва мы переступили порогъ, какъ Кубегуля съ граціозною улыбкою отобрала наше вооруженіе и развѣсила его по стѣнамъ сакли. Затѣмъ ея нѣжныя руки раскинули намъ на полу пару войлоковъ и пару буровъ.

— *Здравствай*, сказала она по-русски, окончивъ свою работу и обращаясь ко мнѣ .. *Я любить тебя... прощай! дай деньги*... И эта шалунья, дзыбская коза, звонко смѣясь, выпорхнула за двери.

Албея уже давно не было. Мы остались съ Іосаномъ.

— Ну, братъ, товарищъ! началъ Іосанъ:—ты такъ набѣсилъ меня сегодня, что если бы не твое мастерство, я бы на вѣсь аулъ (добавилъ онъ шопотомъ) рявкнулъ: возьмите, черти, этого дьявола.., онъ русскій, сейчасъ бѣжалъ изъ Дазари!

— Помилуй, Іосанъ, за что же?

— Эге! какъ-будто я не замѣтилъ, что Кубегуля своими глазами съѣла у тебя полсердца. Знаю, все-знаю!... Тебѣ жаль стало дѣвчонку, ты и швырнулъ мнѣ въ руку своимъ проклятымъ ковшомъ, пусть черпаетъ онъ слезы и кровь!

— Виноватъ, Іосанъ, покорно отвѣчалъ я... Прости, это было сдѣлано съ умысломъ.

— То-то, прости! И у меня былъ свой умыселъ. Скажи, голубчикъ: на кой мнѣ прахъ бараны, гдина, всѣ дочки Албея?.. Ну, что я съ ними буду дѣлать, шляясь въ горахъ за добычей, которая подороже какой-нибудь жидконогой Кубегули?

— Такъ чего же ты добивался?

— Мнѣ нуженъ былъ самъ Албей... Самъ, понимаешь: проигравъ все, онъ и себя бы поставилъ на трефоваго джигита—повѣрь что такъ. Я знаю горцевъ...

— Ну, а потомъ что, когда бы ты его выигралъ?

— А потомъ онъ былъ бы мой. Разумѣется, выиграть его я сегодня не могъ, да однакожь былъ бы хозяиномъ его головы и винтовки дня на три — съ меня и довольно.

— Все-таки не понимаю зачѣмъ онъ тебѣ нуженъ.

— Затѣмъ, чтобъ указать того, кого я ищу, и проводить до мѣста. На этомъ условіи я ему возвратилъ бы все назадъ... Ну, теперь раскусилъ орѣхъ, вотъ пожуй-ка зерно.

Digitized by Google

Я молчалъ, не находя приличнаго отвѣта на слова моего разсчетливаго друга.

— То-то, продолжалъ Іосанъ:—вотъ что ты накутилъ! теперь прійдется къ выигрышнымъ баранамъ приплатить еще десятокъ абазовъ.

— Но завтра день великъ, возразилъ я:—и если ты хочешь обыграть старика только съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ онъ послужилъ тебѣ дня три, такъ, мнѣ кажется, пріятеля недолго вызвать на бой.

— И то правда... Еще безъ свидѣтелей дѣло и вѣрнѣе и скорѣе.

Съ этими словами Іосанъ завернулся въ бурку, вытянулся, какъ заснувшая минога, и захрапѣлъ.

Мнѣ не спалось. Перемѣна положенія моихъ обстоятельствъ на лучшее, надежда на близкое свиданіе съ родными и друзьями, хорошенькія глазки Кубегули, сцены минувшаго вечера—все это исчезало и снова рисовалось въ моемъ воображеніи... Особенно Кубегуля... мнѣ вотъ такъ и казалось, при слабомъ свѣтѣ плошки, въ которой тлѣлъ рыбій жиръ, что бѣлое, полное личико дѣвушки смотрится въ рѣшетчатое окно сакли; по временамъ ея ручка мелькала въ дверяхъ и мнѣ слышалось: «Здравствай, я любитъ тебя... Прощай! Дай деньги!» и потомъ звонкій, рѣзкій смѣхъ и дрожаніе ветхаго потолка отъ удара быстро затворенной двери. Какъ бы въ самомъ дѣлѣ ожидая ея появленія, я нѣсколько разъ безсознательно останавливалъ взглядъ свой на окнѣ сакли... Вдругъ мнѣ показалось, что кто-то въ самомъ дѣлѣ глядитъ въ окно. Я протеръ глаза, приподнялся и... не хочу таить грѣха, струсилъ... Между рѣшеткою сверкала пара глазъ и бѣлѣлась пара усовъ. Мнѣ пришло въ голову, что, вѣрно, кто-нибудь изъ честныхъ джигитовъ, прельщенный котомкою Іосана, рѣшился перерѣзать насъ и завладѣть добромъ армянина.

— Что́ бы это значило? подумалъ я... Неужели хищникъ? Но я еще не кончилъ послѣдней фразы, какъ дверь тихо отворилась и предо мною предсталъ нашъ хозяинъ, Албей. Первымъ моимъ движеніемъ было броситься къ Іосану. Горецъ схватилъ меня за руку и, съ видомъ укора, покачалъ головою.

— Что ты дѣлаешь? ласково сказалъ онъ. Неужели кунакъ могъ подумать, чтобъ старый Албей взялъ вѣчный позоръ на свою голову, что онъ готовъ обидѣть гостя? Развѣ ты не знаешь обычая нашихъ горъ? Гость—наша святыня, и за его жизнь, спокойствіе, за обиду, нанесенную ему, хозяинъ отвѣчаетъ головою, и весь родъ его ни честью, ни подвигомъ, никакимъ добрымъ дѣломъ не загладитъ этого грѣха.

— Что же тебѣ надо, честный джигитъ? спросилъ я, успокоенный нѣсколько словами горца.

Digitized by Google

— Ничего. Я пришелъ съ тобою побесѣдовать, и онъ опустился рядомъ со мною на бурку.

Я молчалъ; горецъ видимо затруднялся начать разговоръ; онъ поводилъ глазами по саклѣ, растягивалъ по своимъ впалымъ щекамъ усы и, наконецъ, пыхнувъ раза́ два, сказалъ:

— Кунакъ, хороша ли моя Кубегуля?

— Очень, очень хороша, Албей! простодушно отвѣчалъ я.

— О! ну и хорошо... А ты любишь хорошихъ женщинъ?

— Да кто же ихъ не любитъ?..

— И то правда. Знаешь что́... Купи у меня Кубегу́лю... Право дешево отдамъ и еще барана дамъ... и еще... черкеску дамъ, вотъ и бурку дамъ...

— Помилуй, Албей, куда же мнѣ столько сокровищъ? Да сказать тебѣ по правдѣ: у меня и денегъ нѣтъ...

— Ненадо мнѣ денегъ; самъ тебѣ дамъ три абаза.

— Вотъ тебѣ разъ! почти съ хохотомъ отвѣчалъ я... Да сдѣлай милость скажи: какое ты подглядѣлъ у меня сокровище?

— Ухъ, кунакъ! купи Кубегулю...

— И радъ бы, другъ мой, да куда же я съ нею дѣнусь?.. У меня вѣдь есть жена...

— Теперь будетъ двѣ... А Кубегуля вѣдь хорошенькая...ну купи Джингази, другую дочь; та помоложе...

— Однако, позволь, почтенный Албей, перебилъ я, не предвидя конца этой загадочной торговли:—скажи мнѣ, за какую же баснословную цѣну ты предлагаешь мнѣ все это?

— Сказать?

— Да ужь надо сказать, если началъ.

— Изволь... А купишь?

— Право не знаю, чего ты отъ меня потребуешь.

— Да купишь ли?

— Ну, куплю! рѣшительно отвѣчалъ я.

Горецъ отъ удовольствія почти подпрыгнулъ на буркѣ.

— Научи меня, кунакъ, чтобъ и у меня такъ же пропадали карты, какъ у тебя!.. Прошу тебя ради праха твоихъ отцовъ... Ухъ, какъ бы зажилъ тогда Албей!.. Научи, кунакъ, научи! проговорилъ онъ, останавливая на мнѣ умоляющій взглядъ.

— Только-то! вскричалъ я.

— А что же? вытаращивъ глаза, спросилъ старикъ, и, казалось, затаивъ дыханіе, ждалъ моего отвѣта.

— Ну, добрый мой Албей, это ты можешь купить дешевле.

Digitized by Google

— Говори! говори! все сдѣлаю.

Я разбудилъ Іосана и мы вдвоемъ объяснили горцу наши требованія.

Албей отъ восторга замахалъ руками и тутъ же поклялся провалиться сквозь землю, если не обдѣлаетъ всего дѣла.

— Вы говорите, вскричалъ онъ: на три дня быть вашимъ проводникомъ!.. Клянусь не сходить для васъ съ коня сто дней... Ну, учи меня!

И курсъ начался. Ученикъ былъ внимателенъ, понятливъ, смѣтливъ; мы не разъ удивлялись хитрости его; онъ безпрестанно вѣшался ко мнѣ на шею, если что́ удавалось ему изъ этихъ невинныхъ и дѣтскихъ фокусовъ. Чрезъ часъ, обладая фокусами и картами, Албей оставилъ насъ, обѣщая намъ даже коней для дальняго странствованія.

— Такъ не купишь Кубегули? спросилъ онъ, останавливаясь въ дверяхъ.

— И радъ бы, да не могу! отвѣчалъ я, удивляясь настойчивости купца.

— Жаль! сказалъ онъ; а Джингази съ Кубегулею чуть-чуть не подрались изъ за тебя сегодня.

— Спасибо за ласку! Нашли красавца!

Солнце высоко стояло надъ горами, когда я и Іосанъ оставили саклю. Первая встрѣча сдѣлана была намъ Кубегулею. Дѣвушка осѣдлала нашихъ коней.

— *Прощай, здравствай. Я тебя любить; дай деньги!* пролепеталъ мой хорошенькій попугай.

— Здравствуй, Кубегуля.. И я тебя люблю, только за это не спрошу денегъ... Послушай Кубегуля, продолжалъ я, желая пошутить съ горянкою: хочешь я пришлю за тебя калымъ?

Она подняла свою головку, пристально посмотрѣла мнѣ въ глаза и, ударяя мѣдною уздечкою о скребницу, сказала:

— Пришли... Скоро пришлешь?

— Скоро.

— А если не пришлешь?

— Ну такъ пришлетъ кто нибудь-другой.

— Прощай! Я тебя не люблю! добавила она по-абазински... И Кубегуля, бросивъ съ видимою досадою скребницу, пустилась по косогору къ толпѣ женщинъ, собравшихся у колодца.

Между тѣмъ другая толпа горцевъ, окружавшая кого-то съ частыми и энергически восклицаніями, привлекла наше вниманіе. Но я еще прежде догадался о причинѣ сходбища горцевъ; догадка эта оправдалась на самомъ

Digitized by Google

дѣлѣ. Мой умница-ученикъ практиковался въ своемъ искусствѣ предъ почтенными зрителями. Большаго труда стоило намъ упросить Албея, чтобъ онъ разстался на-время со своею славою. Накормленные шашлыкомъ и сыскиломъ, мы уже готовы были отправиться въ путь. Напрасно я, прыгнувъ на сѣдло, искалъ взглядомъ по окрестнымъ скаламъ и тропинкамъ рѣзвой Кубегули: ея не было. Мнѣ даже стало скучно.

— Ну, помогай Мезитха (богъ путниковъ) въ дорогу! сказалъ Албей, и мы тронулись. Въ эту же самую минуту звучный и серебряный голосокъ крикнулъ изъ сакли: *Прощай! Я тебя любить! Прощай!*..

На третьи сутки, ночью, мы остановились въ аулѣ Джама, у кунака Албеева, славнаго старика, говоруна и питуха, какого врядъ повстрѣчаешь и между грузинами. Едва только мы улеглись, едва только первый сонъ слетѣлъ къ намъ, какъ въ аулѣ раздалась тревога. Выстрѣлы, удары шашекъ, стоны, вопли и крики ясно доказывали, что въ аулѣ рѣзня, и въ этомъ хаосѣ безпрестанно слышались: «цевкейцы! цевкейцы! * Руби ихъ!»

— А, голодные шакалы! вскричалъ нашъ хозяинъ, наскоро вооружаясь: это цевкейцы отплачиваютъ нашъ набѣгъ... вотъ мы ихъ! Куаки! пойдемъ ѣсть вражеское мясо! и горецъ оставилъ саклю; за нимъ бросился и Албей.

— Пойдемте, пойдемте! повторилъ послѣдній.

— Спасибо! отозвался Іосанъ; а какъ меня пришлёпнутъ,—кому останется котомка?

— И то правда, подхватилъ я; въ чужомъ пиру похмѣлье — невесело!

— Уберемся-ка по добру, по здорову, да отсидимся гдѣ-нибудь.

Мы вышли подъ выстрѣлами сражающихся, однако. не натыкаясь ни на одного изъ ночныхъ рыцарей, добрались задами саклей на исходъ аула... Тутъ царствовалъ совершенный мракъ, который и былъ причиною моей вѣчной разлуки съ Іосаномъ: котомка перетянула бѣдняка и Богъ вѣдаетъ куда укатился Іосанъ съ его благими предпріятіями.

Нѣсколько разъ окликнувъ его, я не получилъ отвѣта, и, избѣгая той же участи, поворотилъ въ противоположную сторону... Въ эту минуту запылалъ аулъ и вся ватага горцевъ, изъ которыхъ одна толпа гнала другую кинжалами, двинулась прямо на меня. Надо было уходить, что я благополучно и сдѣлалъ. Утро другаго дня застало меня верстъ

* Цевки—аулъ сосѣдній и враждебный аулу Джама.

Digitized by Google

за двѣнадцать отъ Джама, который, при первыхъ лучахъ солнца, еще дымился, какъ камчатская сопка.

Спустя три недѣли, если не болѣе, послѣ долгихъ лишеній и страданій, я достигъ благополучно Вельяминовскаго форта...

III.

МАДАМЪ ПИСАРША.

Спустя годъ послѣ разсказанныхъ обстоятельствъ, случай привелъ меня въ Г*** укрѣпленіе, Пріятно послѣ долгой разлуки встрѣтиться съ друзьями; весело и отрадно тогда скоротать съ ними часъ, другой. Небольшое наше общество помѣщалось у окна, обращеннаго къ крѣпостному валу, мѣсту гульбища всего населенія этого крошечнаго муравейника. Вечеръ былъ чудный. Солнце давно утонуло въ морѣ, какъ говорятъ романисты, и прохладный вѣтерокъ, дувшій съ моря, тихо качалъ стройный тополь. Валъ пестрѣлъ гуляющими. Меня особенно изумило множество женщинъ, такой классической, очаровательной красоты и вмѣстѣ съ тѣмъ въ такихъ прозаическихъ нарядахъ, что я невольно попросилъ объяснить мнѣ это явленіе, небывалое въ укрѣпленіяхъ сѣверо-восточнаго берега Чернаго моря.

— А это, изволите видѣть, отозвался старый артиллеристъ: это, съ вашего позволенія, все привозныя.

— Какъ, съ моего позволенія? откуда же? Семенъ Ѳедотычъ, я не разрѣшалъ подобнаго привоза ...

— Ну, такъ извините, мы безъ васъ сдѣлали.

— Однако, безъ шутокъ?

— Эхъ, братецъ! вскричалъ прапорщикъ: неужели ты новичокъ, не знаешь порядковъ?.. Не въ первый разъ... это призовая... Турки везли изъ Абазіи въ Батумъ, кажется, а впрочемъ, чортъ ихъ знаетъ, куда! — дѣвчонокъ; ну, а нашъ крейсеръ и цапъ-царапъ турку, да и запризовалъ товаръ, а начальство приказало раздать ихъ въ услугу по укрѣпленіямъ женатымъ офицерамъ... Ну, и къ намъ привезли штукъ пятнадцать... Кажется такъ? Вѣдь ты считалъ Семенъ Ѳедотычъ...

— Да, да! отвѣчалъ артиллеристъ: пятнадцать, шестнадцатая хромаетъ...

— Эва! у него кто немножко ковыльнулъ—и за человѣка не считаетъ...Смотри пожалуй! Ну вотъ, продолжалъ острякъ: наши фельдфебеля, писаря, да фельдшера—все почитатели горской красоты... люди, со вкусомъ... и переженились на нихъ... Да, вѣдь какой народъ, ес-

Digitized by Google

либъ ты зналъ!.. Представь, вчера одна бестія говоритъ мнѣ: «Я, говоритъ, капуданшей буду.»—«Это какъ, сударыня?» спрашиваю я. «Да, говоритъ, наши мужья такъ часто и счастливо бьютъ нашихъ братьевъ, что выслужиться недолго...» Вотъ ты и поди съ ними!.. Пойдемъ, хочешь, покажу, хоть въ шеренгу выстроить можно... Народъ отборный, послушный.

— Только одному не могу научить—ходить въ ногу.

Мы отправились на валъ.

Но вмѣсто того, чтобы смотрѣть прекрасныхъ, невольно залюбовались мы русскимъ транспортомъ, который подъ всѣми парусами, какъ статный лебедь, купался въ морѣ.

Вдругъ кто-то меня дернулъ за рукавъ сюртука и въ то же время мнѣ послышалось давно знакомое и давно забытое:

— Здравствуй... Я тебя любитъ!

Я оглянулся. Милосердый Боже! Моя Кубегуля стояла передо мною въ рогатомъ чепцѣ съ яркими лентами, въ красномъ платкѣ и—просто за просто въ смиренномъ коленкоровомъ платьицѣ.

— Кубегуля!.. Какъ ты сюда попала? вскричалъ я.

— Отецъ продалъ какому-то жиду, жидъ — туркамъ, а русскіе турокъ перебили: не увози дѣвушекъ!

— Ахъ, Кубегуля, Кубегуля! думалъ ли я тебя здѣсь встрѣтить...

— Я ужь не Кубегуля, граціозно присѣдая, отвѣчала горянка... Я Марушка...

— А! Вѣрно Марья Ивановна?..

— Да...

— Марья Ивановна! раздалось за нами... Куда стречка дала!.. Ну! маршъ, рысью! Все это проговорилъ скороговоркою и басомъ какой-то писарь...

— Это мой мужъ! съ удовольствіемъ сказала Кубегуля.

— Марья Ивановна! повторилъ ревнивецъ.

— *Прощай!* съ неизмѣннымъ своимъ акцентомъ сказала горянка, и побѣжала на встрѣчу мужу.

Прощай Кубегуля, прощай! думалъ я, слѣдя удалявшуюся отъ меня юную чету!..

Digitized by Google